

Разные боги, одна просьба

Шэ Бао

Асака. Это имя Шэ не слышал уже очень давно. С тех самых пор, как договорился с вождем Белых Тигров о союзе против него. Он ушел в тень и не подавал признаков активности несколько лет, но судя по тому, что стало известно теперь, времени зря не терял и начинал представлять реальную угрозу не только для непальских кланов, но и для Линь Ян Шо. Кажется, пора было начинать готовиться к войне.

Шэ не был чужд битвам. Ему не раз и не два приходилось брать в руки оружие и защищать то, что он по праву или нет считал своим и что было ему дорого. Правда, признаться, последний раз ему пришлось это сделать очень и очень давно. Но сейчас он и не один. С ним верные друзья и соратники, среди которых немало и куда более опытных воинов, и куда более могучих магов. Остальных можно успеть натренировать. Последние несколько дней Ирбис провел, готовя вместе со старшими мастерами план тренировок и отдельно советуясь с Шэн и Айро относительно оборонительных мер, которые стоит предпринять. Все было готово. Сейчас нужно было выйти к обитателям монастыря и сообщить им новость. Именно для этого Шэ велел всем, кто был в монастыре, собраться этим теплым утром на площади перед Храмом.

Из Храма он вышел, облаченный в белую форму с золотыми узорами, какую обычно носил во время важных торжеств или праздников, медленно спустился по лестнице к ожидавшей его толпе, чувствуя через Землю смесь волнения, нетерпения, любопытства и решимости. Приятная смесь, должно сказать. Стоило ему достичь последней ступени и остановиться, разговоры и толкотня стихли. Ударил колокол и Ирбис заговорил.

- Спасибо что пришли, - произнес он достаточно громко и четко, чтобы вся площадь могла его слышать, - я должен сообщить вам вести, важные для монастыря и для нас всех. Некоторым из вас вероятно знакомо имя Асака. Это предводитель могущественного культа темных магов. До меня дошли сведения, что он собирает силы, чтобы возможно атаковать Линь Ян Шо. Мы должны быть готовы к этому. С сегодняшнего дня я прошу всех быть предельно внимательными и осторожными, в особенности за пределами территории монастыря. Нас всех ждет много работы и много труда, если мы хотим отвернуть от Линь Ян Шо эту угрозу.

Шэ взял паузу и обвел глазами собравшихся. По площади снова ходил тихий шепот. И снова Шэ среди усилившегося страха и волнения чувствовал нарастающую решимость. *Да, эти не сдадутся так просто, даже если барс уже стар и слаб, - подумал он, - значит у нас есть шанс.*

- Но время тренировок и работы придет потом. Сейчас время вознести слова Учителю или тем богам, которым молитесь вы. Слова с просьбой поддержки и пусть молитва укрепит наши силы и нашу решимость защитить то, что нам всем так дорого. Защитить наш дом.

С этими словами Шэ опустился на колени и сложив руки в молитвенном жесте,

опустил голову и стал молиться.

Киллиан Харди

Киллиан слушал настоятеля с некоторой долей удивления. Впервые на его памяти на монастырь теоретически попытался кто-то напасть. Да и не попытался, а задумался о нападении. "Осторожно ходить, искать врагов", - всплыла мысль. "Пошла вон", - ответил мысли Харди. - "Я в эти игры больше не играю".

Тем временем настоятель принялся молиться. Большинство народу опустилось на колени и присоединилось к молениям. Киллиан отступил в сторонку, не мешая людям просить высшие силы о заступничестве. Сам он давно не верил ни в Бога, ни в черта. Жизнь слишком непредсказуема, чтобы надеяться на кого-то, кроме самого себя и тех, кому ты веришь, как себе.

Он поморщился, глядя на коленнопреклонных учеников, мастеров и прочих. Да, многие тут владели магией, совершенно спокойно могли отпинать в одиночку толпу диких самураев, но чего-то им не хватало. И Киллиан пока не знал, чего именно. Да и не хотел знать. У него сейчас есть дом, есть место для прогулок, и никому нет до него дела. Ведь этого он так желал всем сердцем? Бойтесь своих желаний, они могут исполниться!

Темный маг Асака был знаком Харди, и ему совсем не хотелось возобновлять это знакомство. Впрочем, вряд ли тот полезет на хорошо укрепленный монастырь. Зачем ему это? Здесь нет никаких богатств, артефактов, которые были бы полезны Тьме, амулетов и прочих мелочей. Асака, впрочем, вряд ли разменивался на такое. Еще мотивом могла бы стать личная месть. И вот этого Киллиан изрядно опасался.

Мими Соньяра

Итальянка не так себе представляла монастырь в Тибете. К слову сказать, она вообще не представляла себя в Тибете. Но эта местность ассоциировалась с уединением, медитацией, тишиной и старцами, которые давно обкурились какой-нибудь божественной дури (прости меня Господи), и их не интересует ничего в этом бренном мире. Поэтому толпа людей перед храмом вызвала некий диссонанс в сознании. Кого тут только не было. Женщины, мужчины, даже дети. Азиаты, европейцы, афроамериканцев, кстати, в толпе не обнаружилось. А так бы было просто ООН какое то. Одеты все по-разному, настроения улавливались тоже разнообразные, как и мимика: кто-то хмурился, кто-то размахивал руками и что-то выкрикивал на непонятном языке.

-Я в шоке, - Мими повернулась к брату. - Тибетские монахи? Seriously?

Дальше началось что-то несусветное. На ступенях храма показался мужик, который с очень серьезным видом стал что-то вещать. Настроение толпы Мими уловила. Смесь страха, тревоги и... чувство плеча, жажда адреналина, как перед прыжком. Мужик говорил недолго, а потом встал на колени и стал молиться?

Мими пырнула, закашлялась, чтобы не засмеяться. Многие последовали его примеру. Тони уткнулся ей в плечо и вздрагивал от беззвучного хохота.

-Монахи все-таки молятся, хоть что-то тут так, как надо, да не ржи ты, оболтус, - Мими пыталась придать своему лицу серьезное выражение.

Девушка обратила внимание на мужчину, который отошел от молящихся в сторонку, как раз там, где затаились они с Тони.

-Уважаемый, - обратилась к нему Мими на английском, - не подскажите, что тут происходит, а то мой китайский еще даже не родился...

С молитвой, а эти люди точно молились, данную сцену нельзя понять как то иначе, у

Соньяры были сложности. В Бога то она верила, но вот все эти ритуалы: стояние на коленях, символы, иконы, мощи, благовония, причастия, исповедь... Все это вызывало какое-то раздражением. Она молилась глядя на небо или закрыв глаза. Но вот так, в толпе, в этом было что-то сумасшедшее, что-то необычное, эпичное.

Антонио Сопрано

Тони стоял в толпе, глядя на собравшихся... ну, наверное, технически их можно было бы назвать "монахами". Глупо, конечно, их так называть, тем более разношерстная компания, кучкующаяся в группы по интересам, посреди немаленькой площади, никаких ассоциаций с монахами не вызывала.

Сопрано, стоя на улице, ощущал откровенный дискомфорт. Воздуху, снующему вокруг, было негде развернуться, парень явственно ощущал, как его (воздух) блокируют, сковывают невидимыми цепями, чтобы ни единого неосторожного порыва. Казалось даже люди стояли так, чтобы свободный ветер не мог разогнаться, как следует, а бился об широкие спины местных... ну ладно, пусть будет монахов. Это ощущение скованности, непонятного, удушающего воодушевления, которое можно было просто хватать ложкой и намазывать на хлеб, было почти болезненным.

Затем на середине площади появился какой-то мужчина. Причем, когда мы говорим "появился", мы имеем в виду, что он просто вышел из большого здания перед толпой и начал медленно и печально спускаться по ступенькам. Почему-то Тони ожидал, что для пущего эффекта самому_главному_среди_мастеров, стоило появиться как-то... по-пафоснее. В искрящейся буре молний, к примеру, или спуститься с неба на огненной колеснице. По крайней мере, это было бы эффектней. Уж что-что, а эффекты важны чтобы произвести нужное впечатление. Уж Голливуд-то не даст соврать.

Мужчина выглядел весьма немолодо, но при этом вовсе не был похож на тех божьих старичков, что ходят по улицам итальянских городов, сидят в кафешках, наслаждаясь своей пенсией. Этот парень, очевидно, был воином. Или жрецом. Или и то, и другое.

После этого самый_главный_мастер заговорил. Заговорил на китайском, и все вокруг с такой преувеличенной серьезностью внимали, строили такие сосредоточенные мины, что Тони стало пробивать на смех. Он сам не знал, почему, но чрезмерная... *театральность* происходящего бросалась в глаза сразу. К тому же он не понимал ни единого слова, и, почти наверняка именно поэтому, ему все это казалось просто комичной ситуацией, а не чем-то безгранично серьезным. Может, если бы он умел угадывать эмоции окружающих, ему было бы легче, а так... он видел только жреца, стоящего посреди толпы, изо рта которого исходили смешные звуки, и людей, сосредоточенно вслушивающихся в каждый ни капельки не понятный слог.

А потом мужчина опустился на колени и сложил руки в молитвенном жесте. Это было уже слишком, и Антонио, не выдержав, уткнулся в плечо сестры, надеясь, что ткань ее куртки заглушит рвущиеся наружу всхлипы. Спина его содрогалась от беззвучного хохота.

Парень никогда не признавал авторитетов, и уж тем более это касалось религии. Любой. Ему даже прекрасно срежиссированные проповеди католических священников, вещающих профессиональным, хорошо поставленным голосом с трибун храмов родного Турина или Аосты, казались смешными. Чего уж говорить об импровизированной молитве местных монахов.

Сестра между тем, сделала ему замечание, от которого его веселье только усилилось. Она умела так подобрать слова, да еще шипела как-то по-особенному, что всю накопленную серьезность, по крупицам собираемую из самых потаенных уголков сознания, вымело начисто. Как Тони не заржал на всю площадь после ее слов, он и сам не сумел бы объяснить.

Тем не менее, Мими была куда ответственнее - старшая сестра, все-таки. Она даже нашла какого-то мужика, к которому обратилась с одним из самых важных на данный момент вопросов: "а что собственно происходит?". Тони поднял на мужчину красные от выступивших слез глаза, надеясь, что тот не заметит кривящиеся в беззвучном хохоте губы, уголки которых Антонио старательно опускал, так что выражение его лица сложно было охарактеризовать однозначно.

Киллиан Харди

Харди покосился на возникшую рядом парочку. Судя по всему, брат и сестра, любовников в них он бы почувствовал. Новенькие в монастыре, еще никого не знают. Ну что ж, выступим в роли наставника и знатока китайского. До сих пор такого не доводилось, Киллиан не был преподавателем в этом... гм... балагане медитативного существования и магического образования (БМСиМО), зато был долгожителем монастыря.

- Этот человек - настоятель монастыря. Его имя Шэ Бао. И сейчас он говорит о том, что на монастырь собираются напасть враги. Он призывает всех проявить стойкость духа и тела, а также соблюдать осторожность, шатаясь по монастырю и говоря с кем попало. А потом он просит всех воззвать к своим богам, дабы те наставили своих подопечных на путь истинный и праведный, - в голосе Киллиана невольно появились язвительные ноты. - Но не стоит здесь вести беседу, можно помешать. Если хотите поговорить, пошли в другое место.

Харди и сам не знал, зачем позвал этих двоих. Наверное, одиночество ему все же надоело. Сначала тот парень русско-китайского происхождения, теперь эти "знающие английский язык". Нет, явно добровольное одиночество решило закончиться.

Ли Сяоцань

На площадь Сяоцань пришел один. Лавиния категорически заявила, что не хочет "афишировать отношения". Ли только пожал плечами: не хочет - не надо. Ее право. Стоя в толпе, внимающей наставнику, парень никак не мог понять сути, а когда понял - несколько загрустил. Оказаться в центре военных действий никак не входило в его планы. Да и "страшный темный маг"... как в сказку попал. Точнее, в дурацкое фэнтези. Радовало одно: он точно не являлся Избранным, Спасителем и вообще Главным приду... героем этого сюжета. Потом последовал призыв к общей молитве, и Ли опустил на колени вместе со всеми.

Вот только слова молитвы никак не лезли в голову. Что читать? "Отче наш", как бабушка? Или китайские строфы, как учитель Сюэли? Или вообще какие-нибудь мантры?

В голове внезапно зазвучал чужой голос:

"- Расслабься, парень, и просто скажи все, что хочешь, кому хочешь".

- Ты кто? - удивленно спросил Ли вслух. На него покосились.

"- Не говори, думай. Я услышу, - усмехнулись у него в голове, - и да, я точно не бог, не волнуйся. Поговори, раз надо тебе, с этим высшим кем-то, в кого ты веришь. Не буду мешать".

Сяоцань подумал, что если бы с ним заговорил бог, это хотя бы было понятно. Но в голове посторонних больше не было. Это он откуда-то знал точно.

И Ли принял совет. Принялся про себя говорить с кем-то, в кого верил. Пусть у него было имя, но про себя молодой лис не называл его так. Он закрыл глаза, представил себе рошу, в которой цвели невиданные деревья, себя там и рядом человека... да, он выглядел человеком, но не был им... И Ли просто рассказал ему, что совсем не хочет войны, и даже боится. Теплая тяжелая рука погладила его между ушей, и тихий голос ответил, что Сяоцань может ничего не бояться. Ведь его бог всегда с ним.

Молодой человек открыл глаза. На площади стояла тишина.

Тесса Мэй

Тесса не принадлежала к числу тех, кто верит слухам. Да и особо прислушиваться к ним тоже не входило в её привычку. Однако едва слышные, случайно оброненные кем или другим жителем монастыря о назревающей угрозе миру и спокойствию невольно начинали оседать в голове девушки и прорастать, попадая на благоприятную почву. Страхи, сомнения, нелепые надежды - в это утро все смешалось в одну непонятную серо-буро-малиновую массу, и лишь ответ Настоятеля Монастыря мог хоть как-то прояснить ситуацию. Ну, чисто теоретически. Поэтому в назначенный час Тесса стояла перед ним вместе с другими обитателями и пыталась поверить во всё только что услышанное. Получилось не сразу. Понятие войны, боли, страха за свою жизнь и жизни близких - всё это было лишь едва знакомо Мэй по книгам и истории её родной страны, но вот чтобы так вдруг с бухты барахты оказаться в самом эпицентре возможных действий? Информация не хотела укладываться должным образом.

"Не может такого быть. Не может такого быть!" - единственная мысль, что билась в мозгу девушки, упрямо твердила о невозможности подобного явления. Однако факт оставался фактом, и никто ничьего мнения не спрашивал. Нужно было найти в себе ту кроху силы воли, которая сможет привести Тессу в чувство и заставить мыслить здраво. Глубоко вздохнув, Мэй медленно выдохнула и посмотрела на небо. Чистое, голубое, совершенно не предвещающее беды. Ещё несколько месяцев назад она с уверенностью сказала бы, что ей совершенно не о чём просить богом, абсолютно не о ком молиться. Однако теперь что-то поменялось. Что-то поселилось в душе подобно робкому маленькому зверьку, отчаянно дрожащему перед клыками злобного и голодного хищника. И это что-то требовалось защитить любой ценой.

Девушка встала на колени, последовав примеру Настоятеля, и сложила руки в молитвенном жесте. Она сможет сделать всё, что будет в её силах, чтобы спасти и уберечь это место от злых посягательств. Она сможет защитить свой дом и тех людей, которые живут в нём. И пускай воин из неё не ахти, она со всей настойчивостью будет пытаться. И теперь лишь попросит богов о силе духа и мужестве в это нелегкое время.

Ломэхонгва

К монастырю Ломэхонгва успевает привязаться как к родному дому. В каком-то смысле это теперь для неё и есть почти что родной дом — здесь люди, к которым привязана она и которые привязаны к ней, и пусть у необщительной девочки таких людей не слишком много, это не меняет сути.

И именно поэтому известие о том, что Линь Ян Шо угрожает опасность и, возможно, опасность страшная, наполняет девочку сковывающим всё тело холодом ужаса.

Страх словно лезет откуда-то из глубин памяти даже не девочки, но памяти предков. Ломэхонгва представляет, что все люди, которые стоят сейчас на площади, знакомые ей и незнакомые, могут исчезнуть, как будто и не существовали вовсе, и что по ступеням храма больше никто из них не пройдёт, только ветер будет швырять листья — а может, и самих ступеней тоже больше не будет.

И девочка этого даже не узнает и не увидит, потому что если не станет окружающих её людей, то и её самой наверняка тоже.

Ломэхонгва опускается на колени, даже лбом касается каменных плит площади и тихо просит защиты — у земли, которая для маленькой индианки всегда была и всегда будет главной опорой. Земля может встать на дыбы, защищая монастырь, горы могут сомкнуться стеной, не подпуская врагов. И Ломэхонгва, вдруг ощутив, как в едином молитвенном порыве сплетаются души всех людей на площади, почувствовав в себе силу обещать за всех, безмолвно клянётся, что люди тоже встанут на защиту земли, и помогут ей подняться на дыбы. Это всё очень, очень неумелые и наивные слова, но Ломэхонгва не умеет говорить другими словами.

Юншэн Лю

Настоятель очень редко вот так собирал всех на площади. Обычно во время каких-то больших праздников. Юншэн пришел, старательно отгоняя от себя дурные предчувствия. Может, сифу Бао просто хотел рассказать о проведении электричества. Но как только настоятель заговорил, Юншэн понял, что случилась большая неприятность. Он немного слышал о том, что есть такой Асака, с людьми которого сталкивался отец, и которые доставляли неприятности в Пекине, но всегда казалось, что монастырь - это безопасное место, куда это все точно не доберется. А сейчас Юншэн понял, что на всякий случай их готовили к тому, что добраться Асака все-таки мог. Лю-младший помрачнел.

Он предпочел верить тренировкам, а не молитвам, но теперь понял, почему занятий стало больше, и они стали сложнее. Он не был религиозен и рос на пересечении двух культур: Англия была христианской, но понимала христианство немного по-своему, в Китае исповедовали мешанину из буддизма, даосизма и конфуцианства. Но сейчас Юншэн понимал, что не так важно, кого просить, потому что просьба все равно будет к самой судьбе, к Провидению. Он опустил на колени, стараясь не смотреть по сторонам на других, опустил голову и сложил руки в молитвенном жесте.

Прошу, защити нас. Пусть Линь Ян Шо так и останется безопасным местом, пусть сюда не придет тот, в чьих мыслях будет принести зло остальным. Пусть здесь смогут находиться те, кто не может или не хочет сражаться, пусть Будда Шакьямуни в своем храме защитит тех, кому этот монастырь позволил сюда попасть.

Юншэн уже принял решение, что переедет в Пекин, чтобы быть с Янлин, но он всегда знал, что если в городе станет опасно, они смогут приехать сюда. Ему было важно чувствовать, что Линь Ян Шо - это опора, как та, что ощущаешь под своими ногами, находясь на Тибете и будучи магом Земли.

Чин Ху

Чин участвовал в подготовке мастер-классов и знал, о чем будет говорить Учитель. Эти мысли не давали ему покоя не первый день. С того момента, как они с сифу и Дани нашли Линь Ян Шо и постепенно вернули его к жизни, прошло много лет, и за все эти годы ни разу не приходилось сомневаться в том, что само Провидение бережет это место. Сюда приходили самые разные люди, здесь менялись их судьбы, находились новые пути, и кто-то оставался, кто-то шел своей дорогой, но всегда они могли приехать сюда, чтобы ощутить себя в безопасности. Чин и сейчас не верил, что Асака или его люди окажутся на территории монастыря. Но они могли оказаться рядом, как пару раз уже бывало, и даже этого достаточно, чтобы все готовились отразить нападение.

Среди мастеров Линь Ян Шо было много сильных и опытных магов, но и Асака, по тем обрывочным сведениям, что сюда доходили, не был простым криминальным авторитетом. У него на службе были маги, у него много где были связи, и он был очень заинтересован в том, чтобы мастера монастыря были на его стороне. Был период, когда его люди целенаправленно пытались переманить здешних магов на свою сторону, не получилось, но с тех пор прошло много времени.

Чин стоял неподалеку от ступеней Храма Будды в окружении других старших мастеров. Он встал на колени и снял с запястья четки из семечек лотоса, затем сложил руки в молитвенном жесте и поднес их ко лбу.

Он просил Великого Учителя защитить то, что создавалось все эти годы, просил не допустить, чтобы Линь Ян Шо вновь опустел. Просил дать мудрость мастерам, чтобы они не выбрали неверный путь, и дать мудрость ученикам, чтобы они копили силы и ответственно отнеслись к возможной опасности. Просил Чин и о том, чтобы Великий Учитель защитил его семью, судьба которой была неразрывно связана с этим местом. Он понимал, что в случае опасности его сыновья будут в числе тех, кто встанет на защиту Линь Ян Шо. И что Дани вряд ли будет отсиживаться в стороне. Но просил не допустить того, чтобы такая необходимость возникла.

Очень много лет назад Чин мечтал о том, чтобы прославиться, став храбрым воином. Иллюзия о том, что путь воина может нести что-то кроме страха, боли и очень близкой бессмысленной смерти распалась быстро, стоило один раз оказаться на чужой войне. Чин не желал участи стать воином никому из тех, кто находился в монастыре, хоть и понимал, что некоторым из мастеров и даже учеников этого пути не избежать из-за обязательств, не связанных с Линь Ян Шо.

Закончив молиться, Чин поклонился Храму Будды и поднялся на ноги, ожидая, что будет дальше.

Ши Ньяо

Как и все, кто участвовал в подготовке заданий, Ньяо был в курсе опасения настоятеля, казавшихся ему разумными. Он с тяжелым сердцем понимал опасность, которую нес Асака - человек, имевший магов в числе союзников и жаждавший силы и власти. И Линь Ян Шо ему мешал, потому что не был этот монастырь тихим местом, где мастера и ученики в отдалении ото всех постигают магию и боевые

искусства. Здесь не было монахов. Приходя сюда, люди не обрубали свои связи во внешнем мире, и потому Линь Ян Шо становился перекрестком, где сходились интересы очень разных людей. И в числе тех, с кем мастера монастыря так или иначе сотрудничали, были и европейские политики, и американские бизнесмены, и китайские триады, и непальские кланы магов. Ньяо этого не осуждал, мотивы монастыря не были корыстными, а люди ехали сюда не за властью и могуществом. Но он понимал, почему для Асаки это место - бельмо на глазу, и чем могущественнее были союзники Линь Ян Шо, и чем больше они давали японцам отпор, тем больше был риск для обители.

Ньяо взял в руку нефритовые четки и опустился на колени. Линь Ян Шо был для него местом, где он, перелетная птица, остался на долгие годы, поистине найдя здесь свой дом. И он был готов оставаться здесь и до последнего защищать монастырь, если возникнет такая необходимость. Он просил Великого Учителя дать мудрость и указать путь, который позволит избежать столкновения. Чтобы та неведомая магия, что скрывала Линь Ян Шо от тех, кому не следовало сюда попасть, подобно Шамбале, действовала и дальше, питаясь энергией сегодняшней молитвы и верой мастеров в то, что они делают правильное дело. До тех пор, пока во главе монастыря стояли те, кто не искал власти и корысти в монастырской работе и обучении, эта магия должна была оставаться надежной защитой. Но в то же время не обрубленные связи с внешним миром не позволяли не вступаться за союзников, и даже если в самом монастыре все будет спокойно, мастера должны были активнее готовить подопечных к возможным схваткам.

Шэн Бо

Когда-то давно Шэн дала обещание служить безопасности монастыря, поэтому считала, что несет личную ответственность за то, чтобы Асака и его люди не угрожали Линь Ян Шо. Она понимала опасения Шэ, потому что некоторое время новостей об этом японце почти не было, а недавно они снова посыпались с разных сторон. У него снова возникли интересы в Поднебесной, а это означало, что он будет сталкиваться с мастерами монастыря. Шэн понимала, что союзники за пределами Тибета делали монастырь сильнее, они позволяли оперативно получать информацию и вовремя реагировать. Но и этим союзникам требовалась помощь, а у монастыря было не так много ресурсов. У кланов и того меньше. Юэ уже воевала в качестве наемника на Чжу Лао, и она была не единственной, кто сталкивался в этой роли с людьми Асаки.

Шэн знала, насколько опасной могла быть эта война. Асака временами напоминал ей Инг Ко, но только последний был не столь амбициозен в те годы, когда она на него работала. Японец хотел куда большего, его сеть стремилась охватить весь мир и уже плотно вплеталась в различные организации по всей Азии. Шэн успела повоевать с его партнерами в Афганистане, сталкивалась с ним в разных областях Непала и Китая, и понимала, что это только начало. Монастырь был силен магами и магией, которая его охраняла. Но он был маленькой крепостью на пути разрушительной стихии. Шэн надеялась, что Великий Учитель снова укажет ей верный путь, как сдержать данное настоятелю Линь Ян Шо слово.

Она встала на колени и, глядя в сторону входа в Храм Будды, мысленно просила Учителя дать ей достаточно сил и разума, чтобы справиться с теми обязанностями,

что на ней лежали. Перед монастырем, перед кланом, перед семьей. Снова, как было с детьми Рё Шэ, когда они получали оружие накануне возможной войны, она хотела и не хотела, чтобы Сонгцэн сдал экзамен. Он еще не был готов, но все увереннее приближался к своей цели. Шэн хотела, чтобы путь, который будет указан ей, позволил не втягивать в войну детей, позволил силами старших мастеров справиться с надвигающейся опасностью. И в то же время она понимала, что может и должна обучать послушников более активно, чтобы они знали, как действовать в случае опасности, и тем более в случае войны. Недаром в мирных монастырях всегда были самые опытные мастера боевых искусств. Если не хочешь, чтобы тебя трогали, ты должен быть способен отстоять это право. Таковы законы мира, где принято понимать силу, и Шэн не могла изменить этот мир, она могла лишь идти в нем по тому пути, который казался ей верным.

Эрик Адлер

Эрик мало слышал об Асаке и проблемах, которые он мог принести. Но, когда Бао сяншен рассказал, зачем всех собрал, стало понятно, что эта опасность слишком близка и реальна, чтобы о ней можно было молчать. Это было кто-то настолько могущественный, чтобы опасаться за защиту Линь Ян Шо, которая, насколько знал Эрик, делала это место буквально невидимым для тех, кто мог нести опасность. Это было тяжело принять. Линь Ян Шо был тем местом, куда Адлер приезжал, чтобы отдохнуть от суматохи, царившей за пределами этого места. Здесь было спокойно, здесь казалось, что что бы ни происходило в мире вокруг, Тибет останется неизменным, и его чудеса откроются тем, кто готов их принять.

Эрик никогда не воевал. Для него магия была мирным ремеслом. Стихия Земли могла стать опасным оружием, но для него она была плодородной почвой, что давала жизнь, опорой под ногами, убежищем. И он надеялся, что беды и опасности обойдут это место стороной, хоть и был готов при необходимости помочь в меру своих возможностей и сил.

Он не стал вставать на колени. Он не был религиозен, он не привык просить Бога о защите, хотя помнил, как в детстве ходил с родителями в церковь, и как уже намного позже венчался в церкви с Руж. Тот дух, что чувствовался в небольших немецких костелах, когда солнечный свет проникал через витражные окна, давал ощущение защищенности и сопричастности с чем-то большим, чем является человек сам по себе. И Эрик мысленно обращался к этой силе, чтобы она защитила и поддержала Линь Ян Шо, позволив ему и дальше оставаться мирным и безопасным местом.

Андреас Думитреску

Андреас слышал о сборе на главной площади и решил тоже придти туда. Было интересно, что будет говорить настоятель. а там потом можно будет решить, что делать - слушать дальше или уходить. Если настоятель будет говорить, какие они молодцы, что провели электричество в монастырь, то он сразу уйдёт. Наверное, он был единственным во всём мире человеком, которому вся эта фигня не нравилась. Ну не может монастырь, когда-то буддистский, сейчас разношёрстный, существовать рядом с научно-техническим прогрессом.

А потом спутник найдёт их, они подключатся к интернету и будут сидеть в своих комнатах. Скучно, да и неправильно.

Но нет. Настоятель говорил совсем о другом. Монастырю и его обитателям

угрожает опасность? Он не слышал ни о каком Асаке, или как его там, но вот нотки волнения в голосе настоятеля давали понять, что действительно всё очень серьёзно. Настоятель призывал... просил обратиться к высшим силам, которые оберегают всех живущих, чтобы те помогли, защитили, успокоили. Андреас вздохнул и посмотрел на небо. Если придётся сражаться, то он, конечно, тоже примет в этом участие. Этот монастырь стал и его домом тоже, здесь ему по крайней мере хорошо и спокойно на душе. Нигде ему не было так хорошо и спокойно как здесь. И он, конечно же, не хотел, чтобы что-то менялось.

Он был протестантом, церковь посещал раза три в жизни, и то когда находился в Швейцарии, молитв никаких не знал, что делать не знал тоже, но решил хотя бы постоять и послушать, что будет дальше. Многие молились или делали вид, что молятся, и Андреас прикрыл глаза.

Николай Триколенко

Несколько дней обстановка в монастыре была необыкновенно напряженной. Старшие мастера часто о чем-то совещались с Настоятелем, и выглядели так, будто обсуждали что-то серьезное и неприятное. Николай, имея своих проблем по горло, ждал новостей. И, в один прекрасный день, был объявлен общий сбор.

Собрались все, кто на данный момент был в монастыре: ученики и мастера, обитатели, что по каким-то причинам не стали претендовать на звание мастера, но прекратили ученичество и те, кто просто жил здесь, надеясь скрыться от мирской суеты. И Настоятель, облаченный в торжественные одежды. Обычно Шэ Бао надевал их только на праздники, но с первых его слов, с самой интонации стало понятно, что в этот раз все иначе, просто раньше монастырь по-настоящему не знал забот и тревог.

Асака. Это имя Николай услышал намного раньше, и, в отличие от многих других присутствовавших, не было ни удивления, ни шока, только осознание того, что беда достигла таких масштабов, при которых пришлось не просто не скрывать, эта информация и раньше не была секретной, пришлось говорить о ней громко, во всеуслышание.

"Похоже, дело швах", невесело подумал парень. Старшие мастера были в курсе дел давно, да и сам Николай сталкивался с людьми Асаки не в первый раз, но мастера до последней минуты пытались оберечь прочих жителей, еще не причастных к этому. И вот, настал момент, когда дальше скрывать было невозможно.

Николай опустился на одно колено, и склонил голову. Вокруг него кто-то опустился на колени, кто-то молился стоя, кто-то удивленно вертел головой, все еще не понимая в чем дело, задавая вопросы... а сам парень тихо зашептал:

- Облачусь пеленою Христа...

Этой молитве его, еще ребенком, научил двоюродный брат, Сергей. Станный, но приятный в общении мужчина, который, собственно, и пробудил у Николая интерес к фантастике, мистике и прочему. Он же в свое время обещал помочь со снами, беспокоившими парня, но Николай уехал на тибет, и от родственника осталась лишь молитва. А сам Сергей погиб примерно за год до поездки в Пекин. И осталась лишь молитва, какую далекие предки Николая еще в семнадцатом-восемнадцатом веке возносили перед боем. Парень не знал этого, не знал, что сейчас она не к месту, но сами слова вспомнились так ярко и отчетливо, что слетали с языка будто бы сами

собой.

Даже закончив молитву, парень так и остался стоять, преклонив одно колено. Он вдруг почувствовал, как ему на плечо опустилась рука, чувствовал тяжесть, даже тепло, хоть и понимал, что это невозможно. И стоял, просто продлевая это ощущение... или боясь спугнуть? Всякое ведь бывает, кому, как не жителям монастыря это знать?

Маргарита Эрнандес

О надвигающейся на монастырь опасности Маргарита знала немного. Имя «Асака» было для нее чем-то вроде местной страшилки, которую рассказывают друг другу мастера и некоторые обитатели. Сама она никогда не сталкивалась ни с ним, ни с результатами его деятельности, но, по дошедшим до нее слухам, Асака не относился к числу людей, о которых стоило забывать, даже в самые что ни на есть спокойные времена. И раз уж сам настоятель решил сегодня выступить перед обитателями монастыря, значит, над Линь Ян Шо нависла реальная угроза, от которой не стоило отмахиваться, особенно тем, кто отвечал за жизнь и здоровье учеников.

Мысли об учениках заставила Маргарита покрутить головой в поисках шумной парочки итальянцев, недавно свалившихся на ее голову. Их она обнаружила достаточно быстро, но подойти или как-то обозначить свое присутствие не успела, поскольку на площади появился Шэ Бао. Пока настоятель говорил, рыжая старалась не отвлекаться, проявляя к нему должное уважение, но в один момент она все же не удержалась, бросила на учеников быстрый взгляд и... чуть не задохнулась от возмущения. Те, похоже, вовсю веселились, не осознавая всей серьезности ситуации, а, значит, ей стоило потратить свое драгоценное время, чтобы их найти и сделать им внушение, объяснив, где и почему они были не правы.

Когда настоятель встал на колени, Маргарита последовала его примеру. Став после учебы в университете законченным эволюционистом, она забыла, что такое молитвы, хотя и являлась, стараниями религиозной приемной матери, католичкой. Но сейчас, прочувствовав общую атмосферу, девушка ощутила острое желание обратиться хоть к каким-нибудь высшим силам, способным защитить обитателей монастыря от надвигающейся на них опасности.

- Господи, - прошептала Маргарита, прикрыв глаза, чтобы не отвлекаться на то, что происходило вокруг. — Подари хоть немного ума ученикам. И не только моим, а вообще всем. Но моим в первую очередь. И защити их, когда они начнут нарушать запреты и находить на мягкие места всякие приключения. А они точно начнут. И дай мне и другим мастерам побольше терпения и сил, и тогда никакой Асака не будет нам страшен.

Тору Мотидзуки

Тору не так давно жил в монастыре, чтобы знать все местные истории, но ему хватило всего несколько донесшихся до его уха фраз, чтобы оценить всю серьезность сложившейся ситуации. Ему казалось невероятным, что царящее в монастыре спокойствие может быть нарушено, и что тем, кто сейчас наслаждался царящим вокруг миром, суждено было в скором времени взяться за оружие. Но об этом предупреждал сам настоятель, и Тору не видел причин сомневаться в его

словах. Все это наполняло его сердце тревогой и порождало предчувствие надвигающейся беды, для противостояния которой у него и других обитателей монастыря могло просто не хватить сил.

Вслед за настоятелем Тору медленно опустился на колени и сложил руки в молитвенном жесте. Он никогда не отличался особой религиозностью, совмещая в своей голове научный подход с перемешанными буддийскими, синтоистскими и христианскими представлениями. Но он всегда почитал традиции, посещал храм, находящийся недалеко от родительского дома и иногда взывал к богине Мариситэн, научившей, по легенде, основателя его школы воинских искусств базовым ката с мечом. К ней как покровительнице воинов он и решил сегодня обратиться со своей молитвой.

О, великая Мариситэн, направляющая воина по его непростому пути. Дай мне силы, чтобы защитить тех, кто нуждается в моей помощи и не сгинуть самому. Убереги это святое место от посягательств врагов. Вложи в руки сильного меч, а в сердце слабого веру. Помоги им идти рука об руку и стать друг для друга поддержкой и опорой, ибо меч без сердца – всего лишь оружие, а сердце без меча обречено разбиться вдребезги...

Пока Тору молился, перед его глазами проносились лица тех, кого он хотел защитить. Некоторые исчезали через мгновение, другие задерживались чуть дольше, а одно лицо, неожиданно возникнув, изгнало из его сознания все остальные, порождая желание стать намного сильнее, чтобы никогда не увидеть на нем следы тревоги и уж тем более страха.

Опустившись в положение сейдза, Тору вытянул руки вперед и распростерся в глубоком поклоне, выражая свое уважение непонятным ему высшим силам. Его жизнь нелегко было назвать правильной, и он, благодаря привитым ценностям, хотел, если придется, расстаться с ней достойно. А, в идеале, не расставаться вообще, и если какие-либо божества могли ему помочь сохранить жизни других людей и свою собственную, он был готов ежедневно молиться с самого утра и до глубокой ночи.

Юэ Шэ

Для Юэ война с Асакой началась уже давно, но было страшно, что сейчас это имя прозвучало со ступеней Храма Будды там, где всегда казалось, что неприятностей быть не может. Здесь всегда было спокойно и безопасно. Здесь они с Луном оказались в тот момент, когда привычный им мир рухнул, и именно Линь Ян Шо скрывал Юэ в те моменты, когда ей было слишком тяжело быть воином клана. Сейчас она уже не бежала от опасностей, она вела охоту на тех, кто предал её мать, и воевала на стороне тех, кто пытался ограничить рвение Асаки. Она была готова воевать и дальше, но всем сердцем хотела того, чтобы в монастыре и дальше было безопасно. Она мельком взглянула на Николая, который преклонил колени и наверняка молился тем богам, которых знал лучше, чем Великого Учителя. После этого девушка сама опустилась на колени и сняла с запястья четки из зеленой яшмы, когда-то принадлежавшие её матери.

Юэ стала тихо читать мантру "Ом Ах Хум Ваджра Гуру Падме Сиддхи Хум", перебирая бусины. Эта мантра должна была разрушать злые чары и давать защиту, исцелять и спасать в критических ситуациях. Юэ старалась очистить свои мысли и представить, как энергия её мыслей её тела и её сердца присоединяется к энергии, что столько лет оберегала монастырь, и эта капля в море помогает еще немного укрепить прежнюю защиту.

Когда Юэ три раза провернула в руке четки, она поклонилась, поднесла руки ко лбу в молитвенном жесте, а затем встала, отряхнула колени тренировочных брюк и приготовилась дальше слушать настоятеля.

Ян Лю

Асака. Противник, которого недооценили поначалу, и который стал слишком силен сейчас, чтобы снова сгущались тучи над монастырем. Ян давно старательно делал вид, что все, что происходит за пределами Линь Ян Шо, не считая дел его семьи, его не касалось. Но на деле он знал очень много о том, что происходило в Пекине, и насколько активно там сейчас шла война с Асакой. Тигр терял людей, с переменным успехом отбивал город, но складывалось впечатление, что эти удачи временны, потому что противник не брался за Северную Столицу всерьез.

Яна пытались переманить на сторону Асаки, он выбрал Линь Ян Шо. И не усомнился в этом выборе ни на минуту. Этот монастырь изменил его жизнь, он позволил бывшему Джокеру стать человеком, которому не страшно быть собой. Который учился, и учился все более успешно, находить нравственные ориентиры и становиться полезным. Здесь он понял, что может просто хотеть кому-то помочь. Что ответственность может быть не только уголовной, и в принципе взрослых людей это слово не должно пугать. Здесь он встретил Шири, и отношения с ней, ставшие для неё тяжелым испытанием, позволили ему стать тем, кем он был сейчас. И он был готов до последнего защищать Линь Ян Шо, хоть и не стремился говорить об этом открыто на каждом углу.

Он плохо умел молиться. Всерьез молился один раз в жизни, и сейчас был второй. Ян опустился на колени и посмотрел на вход в храм, внутри которого находилась огромная статуя Будды Шакьямуни.

Я снова не знаю, как с тобой говорить. Ты спас меня один раз, когда спас Шири и Лин, и теперь я прошу тебя помочь всем этим людям. Они намного лучше меня, они намного больше, чем я, этого заслуживают. Я знаю, что этот мир несправедлив и полон страданий, но я прошу тебя помочь твоему монастырю и тем, кто находится подле тебя сейчас. Дай им защиту. Избавь их от необходимости воевать за это место. Избавь их от необходимости убивать, видеть и испытывать боль, бояться за свою жизнь. Хотя бы здесь.

Ян встал с колен и посмотрел на настоятеля.

Дин Ху

Дин видел, что родители нервничали, понимал, что что-то происходит, и с

нетерпением ждал встречи, которую сифу Бао устраивал на главной площади монастыря, где должно было что-то проясниться. И Настоятель стал говорить о том, что монастырю могла грозить опасность. Дин смотрел на тех, кто стоял на площади, особенно на старших мастеров, и понимал, что все серьезно.

В первый момент Дин почувствовал волнение, которое можно было считать едва ли не приятным. Ему казалось, что начинается что-то важное и значимое, что он сможет доказать, что не зря учился все эти годы, и непременно окажется полезен, защищая монастырь. Но потом он заметил, какие лица были у сифу Бо, отца и остальных и задумался о том, какой глупостью показались бы им сейчас его мысли.

Он встал на колени и стал мысленно просить Великого Учителя объяснить ему, что от него требовалось в связи с такой близкой опасностью. Чтобы он поступил мудро и был полезен тем, кому может и должен помочь. Чтобы его личные амбиции не застилали глаза излишней самонадеянностью, но чтобы страхи не встали на его пути к помощи другим. Дин не читал ни мантры, ни молитвы, он просто мысленно обращался к образу Будды Шакьямуни и старался привести в порядок свои мысли и чувства.

Цирилл Грей

Монастырь всегда воспринимался ею как оплот безопасности, надежды и покоя, но война успела добраться и сюда. Как в городе был беспокойно от новостей про Асаку, так и в обители волновались, что противостояние станет слишком серьезным. Уже стало, раз от северной столицы докатилось отголосками даже до Тибетского плато, до потерянного в горах мирного монастыря, ныне готовящегося к обороне. Как бы ни старались сохранять местоположение Храма в тайне, эта информация все равно докатилась до черного паука, которому нужна была власть не только над Китаем, но, кажется, над всем миром.

Цирилл знала одну единственную молитву, ту, которую повторяла каждый раз, когда ждала новостей от мужа, Тая и Тео, если те задерживались, а в городе было беспокойно. Цирилл жила в семье, где скорее перезакладывались на Удачу, чем на какие-то высшие силы, но эта молитва всегда возникала в памяти, когда ей нужно было взять силы, чтобы пережить еще один сложный день в волнении за своих родных.

- Господь - Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться:

Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим,
подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной;
Твой жезл и Твой посох - они успокаивают меня.

Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою;
чаша моя преисполнена.

Так, благодать и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду
в доме Господнем многие дни.

Цирилл не могла сказать точно, кому именно она молится, католичка была из нее так себе, но ей казалось, что если вместо Господа поставить в ее молитву сам Монастырь, то это будет очень подходящая случаю молитва. О том, что каждый,

кому нужна помощь, здесь ее получает. Каждый, кто ищет покоя, находит его здесь. Каждый, кто ищет ответы на свои вопросы, могут обнаружить их в этом месте. И пребудут в обители этой многие дни.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

В кланах давно говорили о той опасности, что шла от Асаки. В свое время наемники обоих кланов отказались на него работать, и он не собирался прощать эту обиду. Просто ему было нечего взять что с Тигров, что с Кобр, а ввязываться в бой ради боя ему пока было не выгодно. Теперь, когда опасность оказалась уже у ворот Линь Ян Шо, Сонгцэн понял, что не обойдется. Как минимум в Непале, где не было такой защиты, как здесь.

Во время молитвы он просил Будд и боддхисатв о том, чтобы они защитили монастырь, и о том, чтобы дали ему возможность сдать экзамен до того, как опасность обрушится на кланы, чтобы он мог помочь как воин и как принц, а не оказался в роли ученика, не способного что-либо сделать. Он не отказывался от своего желания сдать экзамены по магиям Огня и Воды и тратил почти все свое время на тренировки, чтобы достичь необходимого уровня мастерства. Но ему еще нужно было время, чтобы завершить подготовку.

Сонгцэн знал о том, что мать обещала охранять Линь Ян Шо, и она проводила здесь даже больше времени, чем в кланах. Он надеялся быть при ней, если ей понадобится помощь, но все же очень хотел бы, чтобы люди Асаки не смогли переступить ворота Линь Ян Шо, чтобы древняя защитная магия, охранявшая это место, не утратила своей эффективности.

Харольд Урс

С тех пор, как Урс оказался в монастыре, он не особо вникал в местные дела. Он дежурил, когда было нужно, и проводил занятия с учениками, но мало с кем общался из мастеров и не интересовался слухами. А тут оказалось, что происходит что-то важное, и нужно было выйти на центральную площадь, чтобы послушать, что объявит настоятель.

Новость была тревожной. Харольд плохо понимал, кто такой Асака, но видел, что коллег слова Бао сяншена встревожили. Урс задумался, насколько уместным будет просить тех богов, кого знал он, подле буддийского храма, но его сомнения развеяли слова самого настоятеля.

Харольд посмотрел вверх на крышу Храма Будды и представил над этой крышей четыре руны Альгиз, повернутые ветвями в четыре разные стороны. Они буквально загорелись перед его мысленным взором. Альгиз была защитной руной, скрывавшей мысли и предупреждавшей об опасности. Тростник, который шуршит при приближении врага.

- *Хеймдалль-хранитель нас всех защити*, - мысленно прочитал вису Урс, удерживая перед глазами образ рун, которые он визуализировал, и направляя в них энергию, чтобы усилить их действие.

Весна Петрович

Весна видела, что в монастыре стало тревожно, и сейчас слова настоятеля объяснили, что существовала реальная опасность того, что на этот монастырь нападет некий Асака. Весне все равно казалось, что это маловероятно, потому что это место было особым образом защищено, но осторожность могла быть не лишней. Даже если враги просто окажутся неподалеку, они могут принести неприятности.

Ей было сложно понять мотивацию тех людей, которые ради власти или денег готовы идти по головам и приносить человеческие жертвы. Она старалась бороться за каждую жизнь, она считала, что жизнь человека - это самое важное, самое ценное, что только может быть. И никакие деньги, никакая власть не может оправдать убийства.

Великая мать, укрой тех, кто укрывается здесь, своей заботой и защитой. Погаси агрессию тех, кто хочет напасть на этот монастырь, помоги тем, чьи помыслы чисты, и кто хочет защитить здесь мастеров, жителей, учеников - всех, кто верит в безопасность этого места.

Весна чувствовала, что мысли тех, кто здесь собрался, обращены примерно к одному и тому же. Каждый просил о своем, на свой манер, обращаясь к разным богам, но все хотели одного - избежать войны.

Мао Чун

Имя Асаки уже достало. Оно звучало везде, оно мешало, как камень в ботинке, и даже здесь, в Линь Ян Шо, где всегда было безопасно, сам настоятель заговорил о возможном нападении. Гунмао понимал, что в происходящем есть доля его ответственности. Его люди все еще не могли ослабить этого противника, чтобы у того не осталось ни сил, ни желания нападать на монастырь.

Кот стоял неподалеку от Кошки, но старался не мешаться среди мастеров, потому что сам мастером не был. Он видел, что его супруга молится, но не знал, кому и о чем. Она привыкла ждать, когда решатся ситуации, на которые она не могла повлиять. Ей было тяжело, и Гунмао думал, что она как никто умела молиться и уповать на волю Провидения, потому что ей довелось быть женой фу шан шу.

Сам Гунмао молиться не умел. Он и не молился. Он думал, что нужно сделать в Пекине, чтобы отогнать угрозу от этого места. Что нужно было ловить Игрока, а для этого лучше готовить Сина и его подругу. И вытащить максимум из тех сведений, которые были на раздобытой Таем флешке. Нужно было контролировать проявления Асаки на всей территории Китая, и реагировать быстро и жестко. Мир большой, Кот не ставил себе целью спасти его весь. Ему было бы достаточно, чтобы Асаки не было там, где были его интересы. [

Рут Татрис

Рут не могла игнорировать общий сбор на площади, когда там собралась большая часть обитателей монастыря, она тоже присоединилась к сбору, оставаясь за

спинами стоящих в первых рядах, где чувствовала себя намного комфортнее, чем будучи на всеобщем обозрении. Она мало знала о делах монастыря и не знала, кто такой Асака, но опасения и возбуждение, охватившие людей, кому это имя было явно знакомо, передалось и ей.

Рут опустилась на колени следом за Настоятелем - оставаться на ногах, когда он преклонил колени, казалось ей кощунственным, и прикрыла глаза, взывая к своим богам, далеким от тех, которым молились люди на площади. На ум сами собой пришли строчки мантры Нарасимха-Кавача, и, слегка раскачиваясь в такт произносимых про себя слов на санскрите, Рут начала медленное беззвучное пение.

Мантра Нарасимха считалась сильной защитной мантрой, посвященной Маха Вишну в обличие человека-льва. Кавача в переводе с санскрита значит щит и словно бы надевает доспехи на того, кто ее читает. Сейчас Рут надеялась, что ее боги и Маха Вишну ее услышит и подарит подобные доспехи не только ей, но всем тем, кто был в монастыре. Мантра была очень длинной, состояла из 31 частей, была сложна в произношении, но слова сами приходили на язык, ложась легко и свободно, пока Рут просила защитить это священное место, когда-то приютившее ее и давшее ей защиту, кров и место, в которых она тогда отчаянно нуждалась. Ритм под конец становился все быстрее, из заунывного напева превращаясь в безудержный вихрь слов, просьб и восхвалений, и на последней строчке Рут почувствовала, что ей уже не хватает воздуха, чтобы выдерживать этот темп. Наконец мантра закончилась, и охотница поклонилась Храму, переводя дыхание и чувствуя странное удовлетворение от произнесенной молитвы. Это подействует, она точно знала. Ей на плечи словно накинули теплый плащ, укрывающий от всех невзгод.

Васил Цепеш

Ему очень хотелось спать, но Васил все же пришел на площадь, как и было сказано. Не то, чтобы он очень хотел, но послушаться приказа Настоятеля, пусть и выраженного в виде просьбы, а не приказа, было черевато.

Правда, стоило ему появиться, как сонливость, как рукой сняло.

Это ведь было именно то, чего он хотел!.. Наверное... Он не был уверен.

По крайней мере, мальчишеское желание "Надавать под зад плохим парням", росло в нем с самого детства, и вот теперь, наконец, появилось законное основание поработать в этом направлении! Это ли не здорово?!

С другой стороны, опасно, конечно. При таких раскладах и убить могут...

Тем временем, все опустились на колени, и Васил тоже последовал их примеру. Не то, чтобы он был сильно верующим, но выделяться из толпы не хотел, так что, постоял, как все, шевеля губами и делая вид, что занят очень важной молитвой.

- Верить надо только в себя! - решил он мысленно. - Помощь всяких богов и прочих важных сущностей мне нафиг не сдалась.

Даниэла Конг

Она знала. Увы, или к счастью, но знала то, о чем сейчас пойдет речь. Что именно хочет донести настоятель до тех, кто находится в Линь Ян Шо. Асака. Имя, которое совсем не хочется слышать. Крупный криминальный авторитет, на службе у которого имеются маги, такие же, как она, как ее супруг или дети, как любой находящийся

здесь человек, только эти маги привыкли использовать свои способности далеко не в мирных целях, что сразу же говорит о том, что они несут опасность и угрозу всем. И теперь еще и их родному дому, их Линь Ян Шо.

Даниэла, всю свою сознательную жизнь была католичкой. Не самой прилежной верующей, скорее даже совершенно не прилежной, в церкви бывает реже возможного (а возможностей у нее и так слишком мало), но верит в высшие силы, которые помогают искренним людям. Говорят, что вера это не только молитвы, но и так называемые жертвы в виде постов и самоограничений. Итальянка, естественно, ничего подобного никогда не соблюдала, но она и не собиралась просить для себя. Обращаясь к Высшим силам, к Создателю, она просит о том, чтобы ее семья и ее Дом остались в безопасности. Чтобы люди, которые здесь живут и чувствуют себя в безопасности не были подвергнуты возможной опасности со стороны японского клана. Чтобы ее сыновья не пришлось защищать себя. Чтобы ее супруг, чтобы ее Чин тоже не был втянут во все это. Чтобы Настоятель, сифу Бу, тоже не вкусил в таком возрасте все "прелести" осадного положения. Чтобы мир не уходил из их Дома.

Дани открыла глаза, которые тут же немного заслезились из-за света и взяла Чина за руку. Просто так спокойнее. И так правильно. Она нашла взглядом сыновей и снова попросила Высшие силы, чтобы беда обошла их стороной.

Айро

Старый чайный мастер, разумеется, был давно в курсе того, зачем Ирбис позвал сегодня всех на площадь. Старый вояка помогал настоятелю с планами и подготовкой, насколько позволяли опыт и навыки. Он не знал, будет ли это полезным и даже если будет, хватит ли этого, чтобы остановить бурю, если она все же явится. Но об этом нельзя было думать.

Делай, что должно, и пусть будет, что будет, - так гласит старая мудрость, и в такие времена она верна особенно.

Айро стоял чуть в стороне по правую руку от настоятеля, рядом с беловолосой тигрицей и слушал больше собственные ощущения и эмоции, чем что-либо вокруг. Ощущения были слишком знакомыми. Когда-то давно он в похожей ситуации рвался в бой, лишь бы не сидеть без дела и не ждать, когда бой придет к тебе сам. Сейчас он предпочел бы сделать все, чтобы бой все-таки не пришел. Линь Ян Шо защищен надежно, защищен не только могучими магами, но магией куда более могущественной и древней, чем все, стоящие сейчас на площади. Впрочем, неприступных крепостей нет и полагаться на защиту свыше - такая же юношеская глупость, как и рваться непременно в бой.

Настоятель договорил и опустил на колени. Айро последовал его примеру и сняв с запястья алые сердоликовые четки принялся читать мантру Ганеша, прося слогового бога о заступничестве и защите. Не столько для себя, сколько в первую очередь для молодых и горячих, кому еще предстоит постичь главные уроки в жизни и лучше бы им это сделать не в бою.

Закончив молитву, старик поднял голову, посмотрев на ирбиса и ожидая, что тот будет делать дальше.

Шэ Бао

Шэ не обращал внимания на то, что происходило на площади. Ему было не важно знать, сколько людей последовало его примеру, и чем заняты остальные. До его слуха донесся негромкий разговор нескольких довольно странных новеньких, но и его он отбросил, даже не вникая. Сейчас его мысли были обращены в себя и назад - под своды Храма, где стояла статуя Учителя.

Ирбис просил у Будды мудрости и защиты. Мудрости, чтобы не совершить оплошность, которая может стать угрозой всем, и защиты Храма от напастей. Большого ему сейчас было не надо. Что делать он знал, но всей душой не хотел, чтобы пришлось это делать. И не хотел, чтобы кому бы то ни было еще из стоящих сейчас на площади пришлось это делать.

Закончив молитву, Шэ поднялся и дождался, когда то же сделают все остальные.

- Спасибо всем, - мягко произнес он, а затем указал на выращенный общими усилиями монастыря большой дуб, что было видно даже отсюда, - это дерево, мы вырастили с вами вместе силой нашей магии, нашего единства и нашей дружбы. Так пускай оно послужит опорой нашего единения и защиты еще раз.

Под дубом стояли три большие корзины, в каждой из которых были десятки разноцветных лент. На каждой из них идеальным кайшу рукой настоятеля были написаны заклятья защиты, помощи и отвода зла. Настоятель первым прошел через толпу, взял из корзины алую ленту, потянулся и повязал ее на нижнюю ветку. Совсем мелочь, но пусть и она будет в строку. Ирбис выдохнул, коротко поклонился всем собравшимся в знак прощания и направился обратно в Храм. Всем им предстояло еще много работы.

Шэн Бо

Шэн отправилась к дубу следом за настоятелем. Этот дуб был доказательством того, что чудеса возможны, когда создаются совместными усилиями тех, кто живет в этом монастыре. И ленты, завязанные на ветвях этого дерева, могли усилить защиту монастыря, если это требовалось, чтобы не допустить сюда людей Асаки. Шэн взяла из корзины алую ленту и повязала её на одну из ветвей, крепко затянув два узла. Порыв ветра, заигравший с листвой дуба, подхватил концы ленты, но она крепко держалась на своем месте. Шэн поднесла руки в молитвенном жесте ко лбу, попрощалась с деревом полупоклоном и отошла в сторону, чтобы не мешать остальным.

Она чувствовала, что слова Шэ достучались до многих, кто сегодня здесь собрался. И что те, кто сегодня возносил свои молитвы разным богам, просили о защите монастыря. Если небесам будет угодно, в этот раз беда снова обойдет Линь Ян Шо стороной. Но Шэн знала, что для неё война начиналась все равно - война за клан, который уже встал на пути Асаки.

Чин Ху

Чин почувствовал руку Дани в своей руке и улыбнулся уголками губ. Она сейчас понимала его лучше всех остальных, потому что все эти годы они вместе шли по пути восстановления Линь Ян Шо и его развития до того, что он представлял собой

сегодня. Им было что терять, если люди Асаки окажутся здесь. И Чин был готов хоть сражаться, хоть молиться, лишь бы этого не допустить. Он взглянул на супругу, затем отправился следом за наставником к дубу у дикого парка.

Он взял из корзины оранжевую ленту и посмотрел на аккуратно выписанное на ней защитное заклинание. Чин завязал ленту на ветвь дуба, повторив текст надписи про себя, затем отошел в сторону. На Тибете ветер сам умел читать и доносить заклинания. Малограмотные местные жители вращали молитвенные барабаны, считая, что так возносят небесам молитвы на санскрите, которые они были не способны прочесть. И пусть тибетцам здесь уже много лет не везло, их вера в то, что небеса все равно слышат их молитвы, поражала. Может, именно молитвенные барабаны помогли далай-ламе, потеряв дом, обрести последователей во всем мире.

Юншэн Лю

После молитвы Юншэн посмотрел на отца. Таким он его редко видел: вместо обычного хитрого прищур, за которым невозможно было понять истинные мысли и чувства, взгляд старшего мастера Лю сейчас был полон искренней решительности. Юншэна это удивило и даже как-то пробрало. Он пожалел, что рядом не было мамы и Лин, которые снова оставались в Англии, но он был уверен, что мама сейчас тоже вместе с остальными просила бы богов, чтобы они помогли монастырю.

Когда люди с площади стали идти следом за настоятелем к окраине дикого парка, Юншэн к ним присоединился. Он остановился неподалеку от дуба, пропуская старших мастеров, затем взял из одной из трех корзин ярко-синюю ленту с защитным заклинанием.

Он подержал ленту в руке, стараясь почувствовать, как передает ей силу своего желания защитит Линь Ян Шо от людей Асаки, затем потянулся, чтобы завязать ленточку как можно выше на дубе, воспользовавшись преимуществом своего высокого роста. После этого Юншэн отошел от дуба и стал смотреть, как завязывают ленты все остальные.

Ши Ньюо

Ньюо как никто другой из собравшихся знал, насколько могущественную защиту мог дать тот ритуал, который сейчас начинался. Желание обитателей Линь Ян Шо защитить это место давало силу офуда - заклинаниям, написанным на лентах рукой настоятеля. Это должно было помочь, а заодно дать тем, кто никогда прежде не изучал этот вид магии, представление о нем.

Старший мастер взял небесно-голубую ленту с заклинанием защиты, поднес её ко лбу, сложив руки в молитвенном жесте, а затем повязал на одну из ветвей огромного дуба - еще одного доказательства могущества здешних магов. Линь Ян Шо был силен тем, что в нем было много мастеров и учеников, которые могли при необходимости действовать сообща. Этот монастырь объединил под своей крышей очень разных людей, но дал им одно общее ощущение причастности к этому месту. И это была самая главная и самая лучшая защитная магия.

Ньюо отошел в сторону и стал смотреть, как все больше разноцветных лент

развивалось на ветру, игравшем с кроной дуба.

Эрик Адлер

Эрик почувствовал определенную гордость, когда настоятель повел всех к огромному дубу, который не так давно совместными усилиями выращивали на окраине дикого парка. Это дерево было доказательством могущества магии Земли и жителей Линь Ян Шо. В нем было очень много энергии, которую вкладывали в его рост маги, и оно идеально подходило для того, чтобы нести на своих ветвях заклинания защиты, подготовленные Бао сяншеном.

Эрик взял из корзины изумрудно-зеленую ленту. Он смог прочитать защитное заклинание, хотя прежде никогда не встречал этот текст, затем повязал ленточку на дубовую ветвь. Запутавшись на ветру, эта лента обмоталась вокруг небольшого ответвления, и Эрик расправил её перед тем, как отойти в сторону.

Сейчас к нему возвращалось ощущение незыблемости Линь Ян Шо. Он верил, что защитная магия сможет сохранить это место и позволит избежать нападения Асаки. Этот монастырь был слишком светлым местом, чтобы допустить людей со злыми помыслами.

Юэ Шэ

Юэ чувствовала, как напряженное волнение, повисшее над площадью после первых слов Настоятеля и во время молитвы, сейчас сменялось какой-то внутренней уверенностью и готовностью действовать. Она отправилась к дубу, держась неподалеку от наставницы, и, дождавшись своей очереди, взяла из корзины голубую ленту. Ленту, отражавшую энергию той стихии, которая отличала её саму от других тигров. Открыв в себе склонность к магии Воздуха, Юэ поняла, что стала крылатым тигром.

Защитное заклинание на ней было обращено к Таре, которая здесь на Тибете часто заменяла образ бодхисатвы Авалокитешвары. Юэ завязала ленточку на одной из невысоких ветвей и повторила про себя слова защитной молитвы.

Она буквально чувствовала, как дуб, что вырос на глазах, сейчас тянет свои ветви к небу, чтобы приблизить написанные на разноцветных лентах заклинания и молитвы. Линь Ян Шо не должен воевать. Он должен быть тем местом, которое всегда готово укрыть от войны любого, кто придет сюда с чистыми помыслами.

Ян Лю

Ян держался чуть в стороне от других старших мастеров. Он знал, что на них более внимательно смотрят ученики, а молитвы о защите Линь Ян Шо были для него очень личным, тем, чего не хочется выставлять напоказ. Он искренне надеялся, что небеса согласятся защитить Линь Ян Шо как защищали его прежде, и он хотел, чтобы его энергия присоединилась к магии остальных жителей монастыря, завязавших ленты на дереве.

Лю взял из корзины оранжевую ленту, по цвету похожую на энергию Сваттхистханы - чакры, что отвечала за стихию Воды. Вода всегда находила выход, она всегда

умела достигать цели, но также она умела лечить, исцелять и утешать. Ян завязал ленту с заклинанием на одной из ветвей этого могущественного дуба, затем посмотрел сквозь раскидистые ветви вверх, туда, где проглядывало ярко-синее небо, казавшееся на Тибете очень близким. Ему показалось, что это небо не могло не слышать сегодняшние молитвы. Ян отошел в сторону и встал неподалеку от Юншэна. Ему бы хотелось, чтобы сейчас были рядом Шири и Лин, но не все желания легко сбываются.

Дин Ху

Дин видел, что его родители взялись за руки, и отец улыбнулся. Это показалось ему знаком, что все равно все будет хорошо, потому что ученики настоятеля знали, что делать. Он пошел следом за ними к огромному дубу у дикого парка, взял из корзины желтую ленту с защитным заклинанием и повязал её на ветку.

Лент становилось все больше, и от них дуб казался украшенным к празднику. Дин прислушался к шелесту листвы над головой и подумал, что дерево, которое выросло за один день силами магов Линь Ян Шо, будет не против стать проводником для их просьб о защите. Оно лучше всего подходило на эту роль, потому что показывало, какими сильными они могли быть, работая вместе.

Дин отошел от дуба ближе к дикому парку, чтобы не мешаться в толпе и смотреть, как подходят к дереву остальные участники собрания. Сейчас все были равны, и мастера, и ученики, и обитатели, потому что возможная опасность была общей, и желание от неё защититься тоже было общим. Дин очень хотел, чтобы это желание сбылось.

Мао Чун

Кот чувствовал себя не совсем вправе здесь присутствовать. В монастыре он не был так уверен в себе, как в Пекине, здесь он все же был мужем Цириллы, которому, так уж и быть, можно было появляться в монастыре, хотя его образ жизни не очень вязался с этим местом. Но сейчас Гунмао хотел быть полезен Линь Ян Шо, хотя для этого он должен был больше внимания уделить ловле Асаки в Пекине.

Он взял из корзины желтую ленту стихии Огня, по цвету напоминавшую императорский шелк, посмотрел на написанные на ней иероглифы и подумал, как мало из них он узнавал в традиционном написании. Грамотность никогда не была сильной стороной пекинского фу шан шу. Он завязал ленту на дерево, взглянул на Кошку и отошел в сторону, чтобы дождаться её перед тем, как уходить с собрания.

Кот видел, что собравшиеся здесь люди хотели, чтобы монастырь был и дальше скрыт магической или божественной защитой. Он надеялся, что эта защита им поможет, но все же был уверен, что еще лучше поможет его способность решать проблемы там, где это от него зависело.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

После общей молитвы настоятель пошел с площади к опушке дикого парка, и остальные последовали за ним, в их числе Сонгцэн. Когда он оказался возле дуба, там собралась уже приличная толпа из тех, кто развешивал на ветвях ленты, и этих

лент становилось все больше. Принц кобр подошел к корзинам и взял в одной из них первую попавшуюся ленту, которая оказалась ярко-синей, цвета энергии Аджны. Она расправил эту ленту в руках и прочитал написанное на ней защитное заклинание, которое было обращением к бодхисатвам. Сонгцэн повторил его по памяти, пока повязывал ленточку на одну из ветвей дуба.

Он думал о том, сколько осталось ему готовиться, чтобы сдать экзамен, и уповать не только на волю богов и магической защиты Линь Ян Шо, но и на свои силы. Пока он еще не был готов, и ему нужно было приложить немало усилий, чтобы приблизиться к цели. Ему нужно было справиться с двумя противоположными стихиями, лучше освоить технику владения катаной и не упускать возможности стать сильнее в рукопашном бою. Это было его испытание, и он был твердо намерен с ним справиться.

Сонгцэн подошел к матери и встал позади неё, чтобы не мешаться, если ей еще предстояло обсудить что-то с Бао сяншеном.

Харольд Урс

Харольд не раз видел во всяких фильмах про Азию деревья с лентами, но никогда не задавался вопросами о смысле этого ритуала. Сейчас он понял, что настоятель предлагает повесить ленты с защитным заклинанием на огромный дуб, чтобы это как-то оберегало монастырь. Урс решил последовать примеру остальных и, глядя на китайцев, которые уже вешали ленточки на дерево, подошел к корзинам. Он выбрал ярко-зеленую ленту, по цвету напоминавшую весеннюю траву, она просто больше других понравилась ему внешне. Он не смог полностью прочитать заклинание, наверняка там были какие-то незнакомые ему имена собственные - обращение к богам, духам или кому там молятся буддисты, когда их верховный бог является учителем, а не феей-крестной.

Урс повязал ленту на одну из довольно высоких ветвей и посмотрел, как её концы стали трепыхаться в порыве налетевшего ветра. Он отошел, чтобы не мешать другим, но не стал уходить, не зная, есть ли у настоятеля еще какие-то планы относительно этого собрания.

Здесь были очень многие ученики и мастера, Урс обычно не видел их в таком количестве в одном месте, даже в столовой собирались не все, потому что многие жили отдельно со своими семьями. Сегодня Харольд впервые задумался, что уже чувствует себя принадлежащим этому месту, хоть обычно и старался держаться ото всех в стороне.

Весна Петрович

Когда Весна подошла к огромному дубу, казавшемуся самым воплощением энергии монастыря, она вспомнила о тибетских флажках, на которые чем-то походили уже висевшие на ветвях разноцветные ленты с молитвами. Одну из таких лент Весна достала из корзины и взяла в руки. Она не стала разбирать слова защитного заклинания, просто прикрыла глаза и попросила своих духов и Великую Мать дать защиту этому месту, присоединить энергию её желания к молитвам и заклинаниям других жителей Линь Ян Шо и защитить это волшебное солнечное место от внешней угрозы.

Весна повязала ленту, оказавшуюся ярко-алой, на ветвь перед собой. Под каждым порывом ветра ленты на дубе танцевали общий танец, донося молитвы всех собравшихся к одному огромному бескрайнему небу. Весна почувствовала этот мистический, магический момент, когда ей показалось, что все должно быть хорошо, что их не могли не услышать.

Она встала в стороне и стала ждать, позволит ли Настоятель всем расходиться, или захочет сказать что-то еще.

Андреас Думитреску

После нескольких минут тишины, прерываемой дыханием и тихим шепотом, настоятель снова начал говорить. Андреас посмотрел в сторону огромного дуба, который, как казалось, стоял тут вечность, но был создан за несколько часов мастерами и всеми равнодушными монастыря. Вроде это было создано ещё до того, как он пришёл сюда, а может и после. Это вообще неважно нисколько. Важно то, что всё-таки этому волшебному месту грозит опасность.

Он подождал, когда дойдёт его очередь, и взял из корзины синюю ленточку с написанными на ней иероглифами. Какое-то заклинание, не иначе, хотя может просто иероглифы - в каллиграфии и уж тем более в офуда Андреас не понимал ровным счётом ничего, а поэтому просто повязал её на ветку, рядом с другими такими же ленточками.

Призвать высшие силы помочь им в борьбе со злом он не мог, не умел, но был готов защищать, если потребуется и если это будет в его силах.

А пока он вернулся на площадь и стал ждать, что будет дальше.

Цирилл Грей

Цирилл закончила молитву и поднялась с колен, отряхнув брюки от монастырской формы, никогда не забывая о том, что белая кошка всегда должна оставаться белой. Она подошла к корзине с лентами и ее взгляд упал на белую с хорошо видимыми иероглифами. Цирилл завязала ленту на одной из нижних веток дуба, куда ей не пришлось далеко тянуться, и отошла назад, встав рядом с мужем, который тоже присутствовал на площади во время общей молитвы. Она не знала, о чем он просил богов, и вообще просил ли о чем-то, но ей было приятно, что он поддерживает ее.

Монастырь стал для Цириллы домом тогда, когда она лишилась всего остального. С этим местом у нее было многое связано, и, несмотря на то, что она большую часть времени проводила в Пекине со своей семьей, монастырь оставался для нее домом. Конечно, Цирилле хотелось его защитить. Асака не должен был сюда добираться, в этом мире еще должно быть место, где внешний мир никак его не касается.

Она взяла Кота за руку, переплетя пальцы с его, затем посмотрела на Настоятеля, ожидая от него каких-то действий, от которых зависело дальнейшее - либо они уйдут с площади домой, либо останутся для заключительной части его речи, но по-видимому, Настоятель уже сказал все, что хотел сказать - спина его скрылась в Храме. Цирилл восприняла это как знал, что они могут быть свободны.

Маргарита Эрнандес

Молитва Маргариты получилась сумбурной и странной, но зато искренней. Привыкшая всегда просить за себя, рыжая, на этот раз, изменила своим привычкам. Видимо ученики умудрились окончательно проесть ей мозг, раз о них она начала думать намного раньше, чем о любых других насущных проблемах.

Встряхнув головой, чтобы избавиться от назойливых мыслей, Маргарита поднялась с колен, подошла к дубу и, последовав примеру настоятеля, вытащила из крайней от нее корзины ярко красную ленту. Посмотрев на начертанное на ней идеально красивым почерком защитное заклятье, девушка вздохнула от зависти. Сколько бы она не старалась, искусство каллиграфии и все то, что требовало «прямых» рук ей не давалось. Хорошо хоть ленты были заготовлены заранее и не требовали от нее кривых движений кистью и сопровождающей этот процесс ругани.

- Надеюсь, это поможет, - пробормотала Рита, вешая выбранную ленту на свободное место. Она до конца не была уверена в чудесной способности заклятий отвести от монастыря и его жителей беду, но это не мешало ей использовать все имеющиеся в наличии средства.

Тору Мотидзуки

Тору ненавидел чувствовать себя слабым. Всю свою жизнь, с подросткового возраста он подвергал свое тело изнурительным тренировкам, чтобы никогда не испытывать чувство беспомощности и неспособности что-то изменить, которое было привычным спутником его детства. Он смог преодолеть собственную немощь, обрести силу и мастерство, но даже теперь, когда его заслуги признавались окружающими и им самим, ему все еще нечего было противопоставить тому же стихийному магу. Так, его неугомонная рыжеволосая подруга, при желании, могла в буквальном смысле превратить его в пепел за считанные минуты. И понимание этого заставляло Тору чувствовать злость на себя и свою неспособность без посторонней помощи защитить все, что ему дорого.

В качестве последней настоятель предложил использовать разноцветные ленты с защитными заклинаниями, которыми он заранее наполнил три корзины. Сначала рука японца потянулась к зеленой ленте, но в последний момент зависла от нее в нескольких сантиметрах. Взгляд Тору упал на лежащую рядом ленту серо-голубого цвета, которая вызвала у него странные ассоциации и потому была выбрана для обозначенной настоятелем задачи. Почему-то Мотидзуки захотелось завязать ее на небольшом расстоянии от всех остальных, пока к дубу еще не подошли все желающие, давая ему такая возможность. Что он и сделал, снова мысленно обращая молитвы к Мариситэн и всем другим известным ему богам, способным помочь там, где такой обычный человек, как он сам, был бессилен.

Васил Цепеш

Честно говоря, большую часть действия, что произошло на площади, Цепеш просто не понял. Ну, постояли, ну помолились... Хотя информация об опасности, грозящей монастырю, была важной, Васил был уверен, что ее можно было довести через кураторов, которые объяснят все гораздо более обстоятельно. Вот и сейчас, например, у румына был тысяча и один вопрос, но он не знал, кому их задать. Не

Настоятелю же, в самом деле?

Теме временем, молитва закончилась, и им предложили сходить к дубу и взять там защитные амулеты. Об искусстве Офуда Васил имел самые общие представления, и те лишь почерпнутые из библиотеки, где, кажется, румын проводил большую часть своего времени. Однако то, какими могущественными могут быть эти амулеты догадаться ему мозгов хватило. Так что Цепеш решил делать так, как делают все: подошел к дубу, подхватил одну из ленточек, и просто перевязал ею ближайшую ветку.

- Это все? - задал он вопрос отыскав взглядом собственного куратора, который задумчиво глядел на развивающиеся на ветру ленты. Ши Ньяо кивнул, как всегда благожелательно улыбнувшись ученику.

Василу ничего не оставалось, кроме как дожидаться окончания церемонии, и, пожав плечами, отправиться по своим делам.

Катара

Асака... Это имя не давало ей покоя в последние дни. И сейчас ее опасения подтаердились. Все дело в том, что ей уже несколько ночей подряд снилось, где она сражается с людьми из этой организации. Она была наслышана о них ещё со времён, когда почти любая информация протекала через ее глаза или уши. Но сон этот был дурным и всегда заканчивался плохо. Там она не могла справиться сразу с тремя магами огня, ей не хватало контроль над водой, чтобы противостоять им. Значит, всё-таки это были не пустые сны.

Она дослушала речь Настоятеля до конца и вознесла руки к небу в молитве. " О, дорогая Луна, защити. Подари мне покой. Благослави меня своей мудростью и спокойствием. Даруй мне обладание над стихией. Мы не дадим в обиду себя и своих близких. О, Лунушка, молю тебя, заклиная тебя! Ты мое светило-покровитель, с Тобой я все смогу! Я буду их сильнее!"

Вторым этапом была повязка ленточки на дуб. Тот самый, что они вырастили совместными усилиями. Она подошла к корзинке, взяла Голубенькую ленточку и повязала на одну из веточек. [i]ВО СЛАВУ ЛУНЫ![i]

Она верила в то, что этот ритуал с ленточкой будет полезным. Но в молитву Луне она верила больше. Она просто знала, что светило-покровитель не сможет отказать в помощи.

Даниэла Конг

Не нужно видеть глазами, чтобы чувствовать его улыбку. Они двое - единое целое и в то же время огромная сила, когда поразнь. Оба плода их любви были рождены и воспитываются в Линь Ян Шо с любовью. Линь Ян Шо - это Дом. Их родной Дом, в который они вместе с Учителем вложили столько сил, времени и собственной души, как никто другой. и этот Дом не может быть осквернен людьми Асака. Дом - это место любви, различной ее проявления, но совершенно точно, что это не место агрессии и ненависти, которые с собой несут эти люди. И все вместе они смогут защитить это по-настоящему волшебное и чудесное место.

Даниэла последовла следом за супругом и Наставщиком к дубу. Взяв из корзины голубого цвета ленту, она сложила руки в молитвенном жесте, направляя в этот небольшой кусочек ткани мольбу о мире и спокойствии в их Доме, направляя в него часть себя и своей энергии, после чего повязала его на одну из ветвей дерева.

Итальянка поклонилась дереву, после чего направилась в сторону жилых корпусов, где было много незаконченной работы.
